

ДАРЬЯ КАЛИНИНА

ИРОНИЧЕСКИЙ
ДЕТЕКТИВ

Вальс влюбленных попугаев

Дарья Александровна Калинина
Вальс влюбленных попугаев
Серия «Юная сыщица
и компания», книга 5

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68027870

Вальс влюбленных попугаев:

ISBN 978-5-04-174331-4

Аннотация

Юной сыщице Сашеньке новое расследование подвернулось в собственной квартире. Потерпевший – папа Саши, кто-то выкрал его одежду: рубашки, галстуки и пиджаки. Подозрение падает на воришку-рецидивиста, обитающего в их квартире – попугая Яго, который уже много раз занимался мелким воровством, и у своих, и у соседей. Допросить питомца не удалось – попугая тоже выкрали, а на полу остались четкие следы злоумышленников...

Роман «Вальс влюбленных попугаев» продолжает цикл книг о неугомонной молодой сыщице Сашеньке, влюбленной в следователя Милорадова.

Удастся ли Саше найти пропавшего попугая и элементы папиной одежды и куда же подевалась украденная птичка с картины – обо всем этом читайте в захватывающем детективе Дарье Калининой.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	21
Глава 3	45
Глава 4	64
Конец ознакомительного фрагмента.	71

**Дарья Александровна
Калинина
Вальс влюбленных
попугаев**

© Калинина Д. А., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Глава 1

Утро в прекрасной российской семье началось с разборок. И затеял их, как ни странно, папа. Не специально, конечно, просто так получилось.

– Где мои рубашки? – Разнесся спозаранку голос главы семейства. – А галстуки? Куда они исчезли?

И минуту спустя его голос прозвучал еще громче:

– Девочки, я вас спрашиваю! Куда вы спрятали мою одежду?

Девочки – это Сашенька с мамой – поспешили на зов своего главнокомандующего. По папиному голосу чувствовалось, что с ним произошло нечто экстраординарное. Обычно миролюбивый генералиссимус всего их семейства сегодня спозаранку грохотал так, что стены дрожали. И лучше будет поспешить на его зов, чтобы не подвергать свои уши еще большим испытаниям.

– Куда делись мои вещи, а? Хотел бы я это знать! Кто-нибудь мне объяснит?

Папа стоял на кухне в одних брюках и был настроен на разговор весьма серьезно. Это было четко видно по сведенным бровям и свирепому взгляду, которым он обводил окружающие его предметы – кастрюли, половники, банки с крупами и даже с пряностями, – все они казались папе достойными тайниками для того, чтобы в них оказались спрятан-

ными недостающие предметы его гардероба.

Обнаружив рядом с собой жену и дочь, папа очень обрадовался тому, что у него появились настоящие зрители. Но виду не подал, а лишь нахмурился еще сильнее.

Убедившись, что все в курсе, что он страшно недоволен, папа уже совсем другим жалобным тоном повторил:

– Зачем вы спрятали мои вещи? И куда? Где мои рубашки, галстуки и носки?

Голос у папы звучал так утомленно, словно он провел в поисках упомянутых предметов уже не один час. А учитывая, что стоял он босиком и придерживал брюки руками, то можно было предположить, что список исчезнувших предметов будет продолжен еще и домашними тапками, а также брючным ремнем.

Но мама была женщина мудрая, она не первый год жила в браке с этим мужчиной, поэтому не стала подсказывать ему возможное поле для недовольства, а вместо этого тихо и спокойно спросила:

– Почему ты решил, что твои носки должны быть тут?

– А где еще им быть? – немедленно возмутился папа.

– На кухне?

– Да, на кухне!

– А почему на кухне?

– Потому что всю остальную квартиру я уже обыскал, пока вы с Сашей дрыхли!

– Обыскал, значит, – произнесла мама задумчивым голо-

сом. – И носков своих при этом нигде не нашел?

– Нет.

– А в ящике комода? Там ты тоже посмотрел?

– Зачем мне их там смотреть, если я точно знаю, что их там нет!

Вместо ответа мама скрылась из виду и вскоре появилась с двумя парами симпатичных носков, папиных, что характерно.

– Нашла их в комоде, – уничижительно произнесла она.

Но папа отчего-то не спешил радоваться и благодарить маму, а вместо этого обиженно отказался от ее дара, заявив:

– Это не те!

– В смысле, не те?

– Не те носки, – настаивал папа. – А мне нужны именно те!

– А эти чем хуже?

– Эти не годятся.

– Почему?

– Потому что это не те, это другие!

Диалог грозил зайти в тупик или перерасти в скандал. На лицо было непонимание между мужчиной и женщиной. Он был уверен, что прекрасно ей все объяснил, а она в ответ нарочно включает дурочку, исключительно с целью позлить его и сократить тем самым годы его жизни. И делает она это потому, что давно его разлюбила и мечтает теперь извести его совсем. А она была также свято уверена, что он все это придумал с одной-единственной целью, чтобы свести ее с

ума.

Поэтому мама поставила греться воду для кофе и начала готовить завтрак. Но папа не унимался:

– Мне нужны мои рубашки, галстуки и носки. И еще ремень!

– Ремень один?

– Что? – осекся папа.

– Рубашки и галстуки ты употребил во множественном числе. А ремень в единственном. Значить, ремень тебе нужен всего один?

– Разумеется, один! Он и был один! Зачем мне два ремня?

– Но рубашек было несколько?

– Да! Их было две! Я нарочно их выложил ночью, чтобы с утра на свежую голову окончательно определиться с выбором, какую из них надеть. Ну, я же говорил тебе, что сегодня к нам придет новый генеральный, всем нужно быть при параде!

– Ничего такого ты мне не говорил.

– Говорил, просто ты никогда меня не слушаешь!

И папа окончательно обиделся, затосковал и присел к столу, заявив, что в этой семье всем на него наплевать. Аладдин немедленно оказался рядом и подсунул папе под руку свою кудлатую голову, предлагая хозяину погладить такого чудесного и преданного пса, которому точно есть до хозяина дело. Впрочем, преданность Аладдина имела одну особенность, простиралась она в направлении вазочки с сушками

– малютками, которые псу иногда выдавались в качестве поощрения за хорошее поведение и которые сейчас стояли рядом с папой.

Но папа пребывал в такой растерянности, что даже не понял, что именно нужно Аладдину. Преисполнился уверенности, что Диня пришел исключительно с целью выразить ему свою любовь, немножко повеселел. И почесывая за лохматыми ушами собаки, папа начал рассказывать, что же с ним приключилось. Сашеньке с мамой оставалось только слушать и ахать.

Выяснилось, что глубокой ночью папа, который так и не смог заснуть, терзаемый мыслью о встрече с новым генеральным, полез в шкаф. И пока его любимая жена спала крепким мирным сном, извлек оттуда две свои самые любимые рубашки, две пары брюк, пиджаки и несколько галстуков, которые развесил на плечиках в ряд, чтобы принять решение, что и с чем ему завтра одеть. К этому наряду он присоединил пару носков, и это была единственная деталь гардероба, в которой он был твердо на все сто процентов уверен.

– С выбором носков у меня проблем не возникло. Я их всегда надеваю. Это мои счастливые носки. Но все остальное... Я просто растерялся, не зная, что выбрать.

– Где же ты все это разложил?

– Не разложил, а развесил. В ванной комнате. Сидел, смотрел, прикидывал. А потом почувствовал, что ничего не смогу решить без тебя, пошел спать. Ты утром была в ванне?

– Еще не успела сходить.

– Сходи!

Все, включая Диню, пошли в ванну и долго стояли там, разглядывая кафельные стены.

– Ну и...? Тут же ничего нет.

– Вот именно! – воскликнул папа. – Ничего нет! Ни брюк с пиджаками! Ни рубашек! Ни галстуков! Ни даже носков!

– Может, ты их перевесил назад в шкаф и забыл?

– По-твоему, я совсем ку-ку?

– Но дело было ночью. Ты устал, хотел спать, вот и запаматовал.

– Смотрел я в шкаф! Ничего там нет. И потом... Вешалки же тут! Вот они! И брюки на них были. Но теперь почему-то осталась только одна пара, хоть я приготовил сразу две!

– Но я тоже ничего не убирала.

– И я! – добавила Саша.

Папа взглянул на Диню, но тот ответил ему таким честным и искренним взглядом, что усомниться в собаке не было никакой возможности. Да и зачем Аладдину могли пригодиться костюмы папы? Они же были совсем несъедобные. Вот если бы из ветчины или котлет, тогда дело другое. А так... Совершенно никчемные вещи, на взгляд собаки.

Папа вздохнул и произнес:

– Что же, тогда остается предположить последнее... Яго снова встал на скользкий путь воровства.

– О, нет! – огорчилась мама. – Только не это!

– Увы! Другого объяснения я не вижу. Если ты не брала мои вещи, Сашка не брала, то остается только он – Яго.

И с этими словами все члены семьи повернулись и с укором взглянули на виновника утреннего переполоха. Это был попугай Яго, неопознанного вида разбойник, попавший в их семью в один день с Аладдином. Но если собакен с самого начала зарекомендовал себя как верный и преданный питомец, пусть и небольшого ума, то с Яго было все далеко не так однозначно.

Первое время попугай еще как-то смирял свою вороватую сущность, ограничиваясь мелкими кражами, преимущественно сыра и всех производных из него. Затем расширил свой рацион и перешел на другие вкусняшки – орехи, шоколад и чипсы, которые мог сожрать в огромных количествах без видимого вреда для здоровья. Помешать ему в этом деле не удавалось. Никакие замки и запоры не могли остановить эту невероятно умную и хитрую птицу.

Яго умудрялся удирать из квартиры, разбойничать во всей округе, устраивая кражи, а после возвращаться домой и делать вид, будто бы он ничего плохого и не замышлял. Он устроил в соседской квартире настоящий склад краденых сокровищ. А когда щенок Аладдин подрос и окреп настолько, что можно было брать его на дело, попугай начал использовать бедного пса в качестве тягловой силы, нагружая его краденой поклажей.

После того как Яго был изобличен в деле с пропажей ценной скрипки мастера Ярового, с ним был проведен серьезный разговор и вынесено сто первое строжайшее предупреждение. Угрозы в адрес попугая прозвучали страшные. Ему пообещали обрезать крылья, сточить когти и заклеить клюв пластилином. Яго вроде бы внял голосу свыше, на какое-то время притих, занятый обустройством своего нового домика – дворца. Целыми днями он что-то отковыривал в одном месте и прикручивал в другом.

Он стащил у папы отвертку, которой вполне умело орудовал. Никто не желал верить, что попугай способен использовать инструмент по назначению, но Яго его использовал. Нет, шурупы он не крутил, не потому, что не умел, Саша была уверена, что питомец запросто бы справился и с ними, но шурупов в его новой клетке попросту не было. Яго использовал отвертку в качестве рычага, когда ему нужно было что-то отломать или оторвать. Но когда все в новой клетке было устроено по его попугайскому вкусу, Яго подозрительно затих. Родители радовались, что попугай повзрослел, а вот Сашенька подозревала, что дело тут совсем в другом. Яго обдумывал очередное дело, и, судя по тому, как долго длится его примерное поведение, дело обещало быть по-настоящему крупным.

– Я так и думал, что долго он в завязке не продержится!
Но вызванный на допрос попугай держался стойко.
– Ду-р-р-раки! Кр-р-ретины! Бур-р-ратины!

Последнее подразумевало, что хозяева тупы, словно деревяшки. Слышать такое от попугая было всем очень обидно. Да еще плюс украденные костюмы заставляли папу чувствовать себя вдвойне униженным.

— Ну все! — воскликнул он. — Долго я терпел твои выкрутасы! Но теперь конец!

Сашенька вздрогнула. Что собирается делать папа? Неужели придушит Яго? Но все оказалось не так страшно.

— Посидишь под замком пару деньков! Небось, поумнеешь за это время!

Папа принес огромный замок, который пристроил на клетку с Яго. Замок был страшный, сплошь покрытый ржавчиной, его папа раздобыл еще в пору своего увлечения металлоискателем. Папа купил этот инструмент и с его помощью надеялся отыскать старинный клад. Настоящего клада папа так и не нашел, зато вынул из земли кучу самого разного ржавого железа. В том числе было конское стремя, плуг и самодельные бубенцы для коровы, больше похожие на вскрытую консервную банку. Все вещи для современного человека крайне необходимые. Самым удачным приобретением оказался замок, который папа сначала пытался пристроить на воротах дачи. Но когда понял, что на сей «раритет» поглядывают скупщики металла, регулярно курсирующие по их садоводству, шутка ли, почти три килограмма чистой бронзы висит на калитке, папа замок снял и вместо него повесил дешевый китайский, не вызывающий никакого желания его

украсть.

– В нынешних товарах широкого потребления есть определенная морально-воспитательная нотка, они начисто истребляют в человеке всякое искушение присвоить их себе. То ли дело раньше... Что ни вещь, то ВЕЩЬ! Любовался бы и любовался.

Яго был всего лишь попугаем. И ему достался замок, который вызвал в нем неподдельный интерес. Он внимательно следил за тем, как папа поворачивает ключ. А когда папа спрятал его у себя в кармане, Яго разразился дьявольским хохотом. Родители сбежали от него на кухню, где принялись держать военный совет.

– Этот попугай меня пугает, – призналась мама. – Он точно всего лишь попугай?

– Да, папа, что ты вообще о нем знаешь? – подключилась и Сашенька. – Откуда у Яго такие ужасные привычки? Почему он тянет к себе в лапы все чужое? У кого он мог этому научиться?

И папа в сотый раз принялся рассказывать историю появления в их доме Дини и Яго. О том, как начальник папы укатил отдыхать, а потом решил вовсе не возвращаться домой, и папе пришлось взять Диню, а вместе с ним и Яго, которого папа вначале вообще принял за искусно сделанную собачью игрушку, так ловко хитрый попугай прикидывался ею. И лишь после того, как в квартире стал пропадать сыр в самых разных видах, но в огромных количествах, проведенное рас-

следование показало, что исчезает продукт отнюдь не в пустоту. А в квартире у них орудует шайка мелких воришек, состоящая из щенка и попугая.

Как старший, более опытный, да и чего там греха таить, куда более высокоинтеллектуальный, попугай быстро стал лидером в этой странной парочке, руководя и направляя доверчивого и наивного Аладдина. И вот теперь Сашеньке с ее мамой очень хотелось понять, откуда попугай набрался всего этого.

– Потому что не мог же твой бывший начальник научить его так ловко каверзничать.

– Такому научить невозможно, это у него в крови.

Но мама считала, что хороший пример и твердая рука могли бы исправить заложенные природой в попугае воровские задатки или, по крайней мере, снизить их до приемлемого уровня.

– Я же не прошу, чтобы он был совсем уж идеальным, вытирал клюв носовым платком и кланялся. Но хотя бы пусть вернет костюмы! Они ведь недешевые!

– А вдруг не он?

– Он это! Больше никому!

Подозрения родителей были вполне оправданны. После сыра и мелких краж Яго переключился на вещи посерьезнее. И украл старинную скрипку, которую Сашенька по наивности оставила в поле его зрения. Так что теперь родители были уверены, если попугай спер скрипку ценой в несколь-

ко миллионов, то украсть брюки с пиджаками и галстуками для него пара пустяков. Исчезнувшие костюмы были в итоге признаны добычей Яго. И с Сашеньки было взято слово, добиться от попугая правды о том, куда он их запрятал.

Сказать это было легче, чем сделать. После того, как отец выискал среди уцелевших предметов своего гардероба что-то более или менее подходящее к сегодняшнему торжественному случаю и родители ушли на работу, Сашенька в задумчивости подошла к клетке и остановилась напротив. Яго настороженно следил за ней своим круглым глазом, время от времени почесывая клюв лапкой.

– Ор-р-решки? – предположил он.

– Нет, орехов у меня сегодня для тебя нет.

Яго немного огорчился, но надежды разжиться лакомством не терял.

– Гр-р-рецькие? – спросил он, потому что грецкие орехи им за орехи не считались.

– Увы.

Яго совсем поник.

– Ар-р-рахис? – предположил он, всем своим видом показывая, что в жизни еще так низко не опускался, но, оказавшись в их семье, готов лопать даже такую гадость.

– Даже арахиса у меня нет.

Попугай расстроился и разразился жуткой бранью, проклиная черствых скупых людей, по недоразумению достав-

шихся ему в хозяева.

– Вот мне интересно, а где ты жил раньше, тебя всегда фисташками кормили?

Яго замолчал на какое-то время, а потом мечтательно произнес:

– Ар-р-ртур-р-рик!

– Это кто же такой?

– Кр-р-раб!

– Краб? – переспросила Сашенька. – Это что же ты хочешь сказать, теперь морепродукты тебе подавай? Крабов илангутов? Или креветки тоже сгодятся?

– Ду-р-р-ра! – почти нежно произнес попугай, глядя на Сашу своими блестящими глазами. – Ду-р-р-рочка!

Сашенька строго посмотрела на попугая. Вообще-то, Яго частенько упоминал в разговоре про какого-то краба, но когда ему приносили угощение в виде крабовых палочек, неизменно от них отворачивался. То же самое произошло с раками, которых папа наловил где-то в озере. И даже камчатский краб в виде консервов не вызвал у попугая восторга, он от его дегустации попросту отказался.

– Так... Толку с тобой разговаривать никакого нет. И в квартире костюмов папы нет. Значит, ты их куда-то унес. Но куда? И как?

Вариантов было не так уж много. Либо в окна, либо через дверь. И все же представить, чтобы Яго сумел утащить в своем клюве целый пиджак, Саша при всем буйстве своего

воображения не могла. Ремень, носки, даже рубашку – это еще туда-сюда. Но чтобы целый пиджак... Оставался всего один вывод.

– Признавайся, – велела Сашенька попугаю. – Кого ты привел сегодня ночью в наш дом? Кому отдал папину одежду?

Впрочем, отдал – это было не про их попугая. Украсть – это да. Отдать – это нет.

Но кому могла понадобиться одежда папы, чтобы ночью ради нее забраться к ним в квартиру?

– Это же надо так сильно рисковать. Невероятно. Нет, не верю!

Да и вообще после истории со скрипкой папа поменял замки на входной двери. Значит, оставалось окно.

Сашенька спустилась вниз. Аладдин тоже увязался с нею, а что касается Яго, то он обиженно дулся на них, сидя в своей клетке и даже ничего не сказал им на прощание. Хотя обычно желал «скатер-р-тью дор-р-рожка!» или «пр-р-роваливай мало-помалу!».

Оказавшись на улице, Саша услышала истошный вопль:

– Змея! Тут змея! – верещал детский голосок, и девушка повернула голову в ту сторону.

Там она увидела маленькую пухленькую девочку, которая указывала куда-то в кусты. Там суетился маленький песик.

– Филя поймал гадюку! – кричала девочка. – Ой! Она же его сейчас укусит!

– Или тебя! – испугалась молодая женщина, мать девочки. – Анечка, отойди! Отойди немедленно! Я тебя умоляю! Пусть лучше змея Фильку кусает, чем тебя!

Но девочка оказалась не робкого десятка. Она решила спасти своего песика. Сашенька немного была знакома с ними всеми. А уж Филимона – отважного йорка знал весь район. Аладдин дружил с Филей и сейчас радостно побежал здороваться с приятелем. Разумеется, увидев добычу у того в пасти, Диня вознамерился завладеть ею. По его мнению, такой шикарный улов был слишком велик для маленького Филимона. Но йорк тоже был не лыком шит и не пожелал уступить добычу без боя. Завязалась схватка, в которой два собакена пытались перетянуть змею каждый к себе.

Собаки самозабвенно рычали. Анечка верещала и плакала, испуганная за свою собачку. Ее мама, схватив палку, размахивала ею во все стороны и вопила благим матом, чтобы кто-нибудь пришел и пристукнул эту гадину, имея в виду то ли змею, то ли Филю, то ли кого-то третьего. А Сашенька пыталась докричаться, чтобы все успокоились, потому что иначе собаки не услышат команды и не бросят змею. К сожалению, Сашеньку никто не слышал, а собаки не слышали ее команд и продолжали свою возню.

Ни Филимон, ни Аладдин не подозревали о нависшей над ними угрозе. И все же силы их были неравны. И как ни старался Филя, а его зубкам было не под силу справиться с мощной хваткой Аладдина, который вырос крупной скотинкой.

Помесь лабрадора с королевским пуделем дала сильное и рослое потомство. Последний сильный рывок и йорк взмыл в воздух, угодив прямо в руки своей маленькой хозяйки.

– Филя! Он жив! – обрадовалась девочка.

– Осторожней, может, змея его укусила!

Но Филя был бодр, весел и совсем не огорчен утратой добычи. Он был уверен, что отлично поразвлекся и хотел продолжить веселье. Но Анечка крепко прижала его к себе, а ее мама поспешила увести ребенка подальше от опасного места. Наконец стало сравнительно спокойно, и Саша смогла позвать свою собаку. Аладдин подбежал к ней, держа змею в пасти. Та была совсем дохлая и болталась в собачьих зубах, безвольно поникнув головой и свесив хвост.

– Ты убил змею! – ахнула Сашенька. – Дай! Дай ее мне!

– Осторожней! Она может еще не до конца умерла! – подала голос издалека мама Анечки.

Но змея была мертвая. Совсем. И смерть ее наступила уже давно. Может быть, пять лет, а может быть, и того раньше. Пять лет – это был тот минимальный срок, который помнила эту змею сама Сашенька. И помнила она эту змею уже исключительно в сушеном виде, а точнее, в виде брючного ремня своего папы, который он приобрел в качестве сувенира во время туристической поездки во Вьетнам.

Глава 2

Домой Сашенька вернулась с трофеем. В руках у нее был ремень из кожи какой-то азиатской змеи, страшно ядовитой и смертельно опасной, как их в свое время заверил продавец. Ремень был, безусловно, хорош, и папе было очень обидно, что не удалось щегольнуть в нем сегодня перед своими коллегами и новым генеральным. А в том, что все приняли этот ремень за настоящую змею, не было ничего удивительного. Пряжка была искусно изготовлена из полированного самшита в виде продолговатой змеиной головки, так что издали казалось, что папин стан опоясывает самая настоящая змея, кусающая саму себя за хвост.

Впечатление было таким сильным, что мама запрещала мужу носить этот ремень, утверждая, что у нее всякий раз при взгляде на него делаются нервные конвульсии и дрожь по всему телу. Вдруг дух расставшейся не по своей воле с кожей змеи будет мстить новому владельцу?

Сашенька поднесла ремень к клетке с Яго и укоряющим голосом произнесла:

– Значит, вот куда отправилась вся папина одежда! Ты, вандал, выкинул ее за окошко!

– Др-р-рянь! – отреагировала Яго.

– Это ты мне? – возмутилась Сашенька. – Неблагодарный! Сколько лакомств я тебе скормила, а ты меня дрянью обзы-

ваешь!

– Р-р-ремень! Др-р-рянь!

– Это еще почему? Папа за него кучу денег отвалил. Знаешь, что он с тобой сделает, когда узнает, где я нашла его ремень? Он тебя им выпорет!

Яго то ли устыдился, то ли испугался, то ли просто не захотел продолжать общение с Сашенькой. Он спрятал клюв под крыло и сделал вид, будто бы спит.

Но Сашенька не уходила и продолжала допрос попугая.

– Значит, ты ночью выбрался из клетки, обнаружил приготовленные папой вещи и скинул их из окна вниз? Во двор? Так получается?

Яго снова не отреагировал, а Сашенька задумалась. Странно, внизу они с Аладдином не обнаружили ничего, кроме ремня. А куда делись папины рубашки? Брюки и пижамы? Носки, наконец? Те самые счастливые носки, которые кроме папы вряд ли были кому-нибудь нужны.

Конечно, можно было предположить, что одежду кто-то нашел и забрал себе, сочтя выброшенной и ненужной. И такая судьба могла постигнуть папины рубашки – обе они были шелковые и очень красивые. Костюмные пары тоже отличались изысканностью и прекрасным пошивом. Вся эта одежда могла привлечь к себе внимание вора. Но носки...? Ношенные папины носки, кому могли понадобиться они? И тем не менее Сашенька старательно обыскала все пространство под окнами их квартиры, но носков там не обнаружила.

И тут ей позвонил папа.

– Как дела?

Сашенька отчиталась о своей сегодняшней находке. Папа за ремень ее похвалил, но сделал он это как-то рассеянно. Было такое впечатление, что думает он в этот момент о чем-то совсем другом.

– Я тут поговорил с прежними владельцами нашей птицы, так они утверждают, что у них из дома тоже регулярно пропадали вещи. Они сначала не придавали этому особого значения, но после моего звонка сопоставили и теперь думают, что их мог обкрадывать попугай. Они-то думали на прислугу, дескать, привезли девчонку с Филиппин, семья у нее бедно жила, вот, и крада, что под руку попадет. Но так как они сами все равно собирались уезжать, то прислугу попросту рассчитали, шуму из этой истории делать не стали, и служанку в полицию не сдали. Ограничились тем, что не выплатили ей бонус при увольнении, хотя вначале и собирались.

– Бедная девушка, поплатилась за проделки нашего Яго! Они должны извиниться перед ней! И выплатить ей обещанные деньги!

Но папа считал, что вряд ли это кто-нибудь станет делать.

– Девушка давно вернулась домой к себе в страну и даже вышла замуж. Тут другой вопрос, что с этими последними новостями из жизни Яго делать нам самим? Если окажется правдой то, что Яго крадет все, что попадает к нему в лапы, то нам придется с ним расстаться. Попугай – клептоман нам

не нужен!

– И как ты это проверишь? Установишь новые камеры?

Папа уже пробовал проделать такого рода процедуру. Но Яго с удивительным проворством находил спрятанные камеры и выводил их из строя, после чего принимался шкодничать пуще прежнего, уже не боясь быть привлеченным к ответственности.

Но у папы на уме было кое-что поинтереснее, и он сказал:

– Я предлагаю тебе смотаться к предыдущим хозяевам Яго.

– Они же уехали из страны!

– Эти да. Но Яго оказался у них отнюдь не птенцом. Это была уже вполне сформировавшаяся птица, которую они приобрели по объявлению. Телефон продавца они мне скинули. Я позвонил. Хозяйка готова встретиться и все обсудить. Но она назначила встречу ровно через час, а я никак не могу сегодня уйти с работы.

– Ну да, к вам же новый генеральный сегодня пожалует.

– Вот именно, – подтвердил папа. – Так что? Поможешь? Встретишься с этой Акулиной? Мне показалось, что она не совсем в себе. Но ты захвати с собой денег.

– Зачем? Хочешь ее подкупить?

– Угостишь ее в кафе чем-нибудь вкусненьким, поболтаете, глядишь, она к тебе расположится и поведаст, почему в свое время решила избавиться от Яго, продав ценного попугая за чисто символическую сумму.

– Раз дешево продавала, значит, хотела побыстрее от него избавиться?

– Вот в том-то и дело, – и папа тяжело вздохнул. – Я боюсь, что у этой Акулины был серьезный повод, чтобы так поступить.

Папа был человеком добрым, прогнать Яго без веских на то оснований, у него рука бы не поднялась. Но если за Яго идет дурная слава, то папа пересилит самого себя и избавит семью от воришки в пестром оперенье.

И стоя уже в дверях, глядя на себя в зеркало, Саша взмолилась:

– Хоть бы с Яго все оказалось в порядке! Ну, пожалуйста!

Ей не хотелось признаваться даже самой себе в слабости, но за это время она здорово привязалась к их веселому крылатому другу. Да, Яго не отличался покладистым нравом и уживчивым характером, но он успел стать их другом. И Сашеньке было бы очень тяжело расстаться с ним. Нет, этого нельзя было допустить. Ни в коем случае. Хватит уже Яго скитаться по чужим рукам!

Встреча с Акулиной должна была состояться в кафе в центре города. Она сама его предложила в качестве места для их разговора.

– Живу в двух шагах, часто там бываю, отличное место.

Куда-нибудь в другой район Акулина ехать отказывалась, мотивируя это тем, что и на несколько минут выскочить из дома для нее целая проблема. Так как нужна эта встреча бы-

ла в первую очередь Саше и ее папе, пришлось согласиться.

— По телефону дамочка общаться не пожелала. Нет, сначала она была довольно словоохотлива, но стоило ей понять, что речь пойдет про Яго, как у нее словно язык отнялся. Сразу же заявила, что назад его не примет ни за какие деньги. А когда я объяснил, что всего лишь хочу узнать подробней о прошлом попугая, заявила, что это не телефонный разговор и назначила встречу в кафе.

Едва войдя в кафе, Сашенька обратила внимание, что посетителей в зале совсем немного. Преимущественно занятые своими заботами офисные служащие. Среди них ярким пятном выделялась пышнотелая дамочка лет пятидесяти. Волосы у нее на голове полыхали огненно-рыжим цветом, который тем не менее прекрасно гармонировал с воротником из лисы. На голове у дамы красовался цилиндр, украшенный даже не пером, а целым хвостом неизвестного пернатого.

Залюбовавшись на эту колоритную особу, Сашенька спохватилась, что совсем не знает, как должна выглядеть Акулина.

Но официант, стоило его спросить, сразу же кивнул на даму с перьями.

— Это она?

— Она самая. Частый гость в нашем кафе. Каждый день заходит пообедать, а иногда и поужинать. Похоже, что совсем готовить не умеет.

— Какая-то она чудаковатая.

Саша почувствовала, что подходить к Акулине ближе ей совсем не хочется. Но официант развеял ее опасения:

– Не бойся, она не опасная, – шепнул он Саше на ухо. – Только выглядит необычно, но к этому быстро привыкаешь.

Акулина приветствовала ее широкой улыбкой.

– Детка, рада, что ты почти не опоздала, потому что времени у меня в обрез.

– А что случилось?

– Питирим решил сегодня размножиться.

Питирим? Это он? Но почему он тогда размножается? Ведь размножаются всегда самки? Впрочем, ничего удивительного в этом не было. По рассказам Акулины, ее обожаемый Питирим оказался гигантской улиткой, а у улиток, невзирая на их размер, размножаться могут и самцы, и самки. Верней, одна и та же особь может играть роль как самца, так и самки.

– Когда я его приобрела, он был не больше орешка. Вот такой маленький, трогательный, доверчивый, даже спал у меня на лбу. Вот тут!

И Акулина ткнула пальцем себе в середину лба, где у нее наблюдалась осязаемая впадинка.

– Питиримка так любил в ней спать! А теперь он надумал размножиться. И сегодня из икринок должны вылупиться его потомки. Такой волнительный момент, ни за что не хочу его пропустить!

То, что Акулина была чокнутой кошатницей, собачницей,

улиточницей и еще невесть кем, Сашенька уже поняла. Но тут она заметила, что воротник на шее у Акулины шевельнулся. А через мгновение на Сашеньку смотрела остренькая мордочка с двумя глазками – бусинками.

– Ой! Это же у вас лиса! – воскликнула девушка. – Живая лиса!

– Ну, конечно, живая! – удивилась Акулина. – А какая же еще? Ешь, милая.

С этими словами Акулина дала лисице немножко своего супа. Несмотря на то что суп был зеленого цвета, лисица ничуть не смутилась и живо принялась его лакать. Мордочка у нее выражала такое удовольствие, словно никогда вкуснее ничего не пробовала.

– М-да... – протянула Сашенька.

Но это был еще не конец. Внезапно перья со шляпы Акулины сами собой вспорхнули в воздух, а потом плавно опустились на стол. Такого каскада нарядных перьев у крохотной птички раньше Сашеньке видеть не приходилось. От изумления она даже заикаться начала.

– Э-т-т-то еще что?

– Не что, а кто, – строго поправила ее Акулина. – Это Генрих. Он – райская птица.

Манеры у райского Генриха были далеко не аристократическими. Он важно разгуливал прямо по столу, не стесняясь клевать то, что ему пришлось по нраву. Супом он не интересовался, зато принялся уничтожать поданные к супу сухари-

ки. И треск стоял такой, что Сашенька боялась, что другие посетители услышат и прибегут. К счастью, лиса с Генрихом быстро утолили свой аппетит и вернулись на свои привычные места. Она на плечи Акулины, а он на ее шляпу. И ловко притворились там воротником и просто перьями.

Но невзирая на все эти чудеса, Саша не забывала и о деле. Ее интересовала подноготная Яго. И в первую очередь его склонность к преступным деяниям.

Акулина как раз доедала крем-суп из брокколи со сливками, который ей великодушно оставили лиса и Генрих, но откликнулась на вопрос:

– Увы, да! Вынуждена признать, что этот попугай не поддается исправлению. Я терпела его выходки долго, может быть, слишком долго. Яго, или как я его звала Бармалейка, умеет быть таким милым. И он несколько раз приносил мне гостинцы. Конечно, он их воровал, я понимаю, но ведь он это делал ради меня. И если бы дело касалось меня одной, то терпела бы и дальше. Но он повадился воровать у моих соседей. Понимаешь, в чем проблема? Сначала Бармалей воровал у них фрукты, конфеты и орехи, потом всякие мелочи и одежду. А соседи по некоторым причинам и так меня недолюбливали. Конечно, они придиры! То запах им какой-то не такой из моей квартиры идет, конюшной пахнет. А как, по их мнению, должен пахнуть настоящий шотландский пони? Фиалками, что ли?

– У вас дома живет пони?

– Жил. Теперь я спровадила его на конюшню. Но соседям все равно все не нравится. Запаха не стало, так шумно им. Но ведь, когда цесарке хочется излить свою душу, она ведь у соседей разрешения спрашивать не будет. Ей надо высказаться, а я не могу ей мешать в этом. Поэтому сначала я старалась не обращать внимания на жалобы соседей. Знала, какие они склочные люди! С них сталось бы придумать напраслину на бедного попугая! Но когда своими глазами увидела, как мой Бармалей улетает из окна соседской квартиры с жемчужным ожерельем соседки на своей шее, терпение мое лопнуло. Я поняла, что присутствие Бармалея может стать угрозой для остальных моих питомцев, которых уже в ту пору насчитывалось немало. Поэтому я дала объявление, и почти сразу же у меня его забрали. Но я честно предупредила новых владельцев Бармалея об особенностях поведения птицы. Они заверили меня, что с этим проблем не возникнет. Живут они за городом, а в соседях у них исключительно подлые гады и низкие твари, с которыми они успели изрядно пересобачиться за это время. Так что если попугай примется воровать у их соседей, то его хозяева будут этому только рады.

– И вы отдали попугая таким людям?

Сашенька была возмущена. И где ответственность? Вместо того чтобы всячески ограждать попугая от его воровских наклонностей, исправлять, вразумлять и объяснять, насколько это плохо, прежние хозяева Яго либо смотрели сквозь пальцы на его проделки, либо вовсе поощряли его! Неуди-

вительно, что Яго вырос таким отъявленным проходимцем. Впрочем, основной груз ответственности лежал на том первом хозяине, к которому Яго попал невинным птенчиком и которого Сашеньке теперь очень хотелось разыскать просто для того, чтобы взглянуть этому человеку в глаза.

Увы, в этом вопросе Акулина ничем не могла ей помочь. Ей самой довелось купить Яго на Птичьем рынке. Казалось, это тупик, но Акулина обмолвилась, что купила птицу у человека, который стоял там каждые выходные. Акулина была завсегдатаем рынка и частенько видела там этого продавца. По ее словам, этого человека отличало гуманное отношение к своим питомцам, а также внимательное и вдумчивое отношение к их будущим хозяевам. Он не гнался за большой выгодой, а стремился пристроить птицу в надежные руки.

– Он бывает на рынке каждые выходные. Ходит туда, как на работу.

Так что был шанс найти продавца и спросить, где он, в свою очередь, взял Яго и как попугай вел себя до того, как попал к Акулине.

– Хотя что-то мне подсказывает, что и у того владельца Яго вел себя не лучше.

И казалось, что участь попугая решена. Остаться в их квартире он не может. Но Сашеньке внезапно стало жалко попугая. Все его гонят, все его проклинаят, обзывают хулиганом и вором. А ведь Яго совсем не виноват. Он всего лишь бедная невинная птица, жертва неправильного воспитания.

– Яго попал птенчиком в дурные руки, – объясняла она вечером родителям. – Он не мог сам освоить все эти трюки с кражами чужих вещей, открыванием замков и прочими пакостями. Его кто-то всему этому научил.

И мама с папой ее неожиданно поддержали:

– И я бы хотела видеть того человека, который это сделал.

– Уж я бы ему сказал!..

Но то ли Яго не уловил их добрых намерений, не почувствовал, что настроение его хозяев изменилось в его пользу, только весь вечер он просидел в своей клетке мрачный и нахохлившийся, почти не ел и ни с кем не разговаривал. А утром, когда Сашенька встала, чтобы проверить, как там настроение у попугая, она обнаружила его клетку пустой.

– Мама! Папа! Где Яго?

– А где?

– Его нет!

Ни папа, ни мама, ни сама Сашенька не могли сказать, куда исчез Яго. Это была какая-то загадка. И дела не облегчали следы мужской обуви, которые обнаружились на полу возле опустевшей клетки. Ни у мамы, ни у Сашеньки, ни даже у папы не было обуви такого размера.

Мама сразу же схватилась за голову:

– К нам ночью кто-то приходил! Кто-то с ботинками сорок пятого размера! Огромный и ужасный!

– На полу следы от обуви сорок пятого и сорок шестого размеров, – сказала Сашенька. – У нас ночью было двое го-

стей. Один в ботинках на плоской подошве, почти без рисунка. Второй в кроссовках.

Папа долго разглядывал следы, потом предположил, что их могли оставить водопроводчики, которые приходили починить кран в ванной комнате на прошлой неделе. Это его предположение до крайности возмутило маму.

– Ты полагаешь, что я неделями не делаю влажной уборки в квартире? Но это не так! А возле клетки Яго мы с Сашей моем по два или даже три раза в день, потому что это какая-то свинья, а не попугай.

Но тут мама вспомнила, что «свинья» исчезла, кинула виноватый взгляд на пустую клетку и поспешила на кухню, чтобы выпить кофе и успокоить свои нервы. Про нервы мужа и дочери она старалась не вспоминать.

И Саша подтвердила слова мамы:

– Я сама лично протирала пол возле клетки Яго вчера вечером. Никаких следов тут не было, а был совершенно чистый пол.

И папа с Сашенькой продолжили разглядывать следы. Они их даже сфотографировали. А потом папа предложил обратиться в полицию.

– Я позвоню Юре! – обрадовалась Сашенька. – Он поможет!

К сожалению, Юрий был на дежурстве, приехать никак не мог. Но он попросил двух своих коллег приехать и посмотреть, что там с опустевшей клеткой и следами на полу.

Полицейские появились всего через несколько минут, благо находились в соседнем доме. Они подозрительно посмотрели на клетку, а Сашенька не менее подозрительно изучала их собственные следы. На одном из оперов были ботинки на гладкой подошве, на другом кроссовки. И размер был примерно тем же самым, так что у Сашеньки даже закрались нехорошие мысли насчет этих двоих, особенно после того, как они обследовали входную дверь и заявили, что ее никто не вскрывал.

– Следов насильственного проникновения в дом нет. Видимо, у злоумышленников были ключи от всех замков. Кто-нибудь в последнее время ключей не терял?

– Если и теряли, то немедленно меняли замки.

– Тогда другой вариант, кто-то мог впустить ночных гостей. Кто-то из членов вашей семьи.

– Никто не впускал!

– Тогда вы могли по рассеянности оставить входную дверь на ночь открытой.

Папа вздохнул и покачал головой. Он не стал говорить полицейским, что дверь мог оставить открытой и сам Яго. И удрать из клетки он тоже запросто мог самостоятельно. Попугай уже неоднократно проделывал такой трюк. Удирал из клетки, удирал из дома, да еще и Диню с собой прихватывал, попутно обучая наивного пса всяким воровским примочкам. Все это могло быть. Но это никак не объясняло появления чужих следов возле клетки Яго.

И самое главное, что тревожило семью Саши сильнее всего, куда бы ни отправлялся в своих странствиях лихой попугай, но пропустить время трапезы он не мог. Время завтрака, обеда или ужина было для него священным, в эти часы он обязательно находился в доме. И чтобы запоздать к завтраку, такого с ним еще ни разу не случилось.

– Он попал в беду!

– И это факт!

В тот же день Сашенька с папой отправились на Полюстровский рынок, а в просторечии Кондрашку, где торговали домашними животными, птичками, рыбками и прочим, включая игуан, куриц, кроликов и поросят морских свинок.

Когда стало ясно, что Яго покинул их и возвращаться не собирается, все члены семьи почувствовали угрызения совести.

– Мы загнобили бедную птицу!

– Простить себе не могу, что мы были так жестоки к нему.

– Надо его найти.

– Найти, попросить прощения и вернуть назад!

Рассуждали они примерно так. К кому мог отправиться Яго? Скорей всего, он подался в знакомые места, а конкретно, к кому-то из своих бывших хозяев. Сашенька позвонила Акулине, а ее папа своему бывшему начальнику. Но эти владельцы Яго утверждали, что у них попугай не появлялся. Зато Акулина сказала странную вещь:

– Я вспомнила, что пару дней назад ко мне приходили какие-то люди, которые спрашивали у меня про малыша Бармалея.

Что характерно, все владельцы давали Яго прозвища, которые между собой перекликались. Так начальник папы звал попугая Бандитом, Акулина называла его Бармалеем, а тот продавец, который ей продал попугая, называл его Пиратом.

– И что вы им сказали?

– Разумеется, правду. Я всегда говорю людям правду.

– Это похвально.

– Это необходимость, – призналась Акулина. – Память у меня совсем дырявая, если буду врать, то обязательно запутаюсь в собственной лжи и попадусь. А это же стыдно?

– Стыдно.

– Вот и приходится говорить людям правду, одну только правду и ничего, кроме правды.

Папа, который поговорил со своим начальником, тоже упомянул факт, что тому звонили какие-то люди и интересовались, живет ли у него попугай по описанию в точности как их Яго.

– И твой бывший начальник назвал им наш адрес?

– Нет, он этого не сделал. Но сам начальник с семьей сейчас находится в другой стране, в доме проживает прислуга. Но он не может поручиться за прислугу, которой в доме немало.

– Он может позвонить прислуге?

– Не нужно, она сама ему звонила вчера вечером.

Оказалось, что в дом, где жил Яго до того, как переселиться к Сашеньке, приходили какие-то двое мужчин. Они представились службой санитарного контроля и говорили, что должны изъять попугая, больного редкой тропической болезнью, вирус которой передается от птиц к людям.

– Эти люди утверждали, что попугай смертельно опасен, контактировать с ним даже взрослому здоровому человеку нельзя. А уж для детей этот вирус и вообще представляет настоящую угрозу. Горничная, на чье попечение был оставлен дом, страшно перепугалась, потому что живет в доме вместе со своей семьей – мужем и двумя ребяташками. И хотя детям запрещено заходить на хозяйскую половину, все равно горничная жутко испугалась за своих малышей. Стала выяснять, как долго держится вирус, если птица уже исчезла. И проговорила, что попугая забрал я.

– Она тебя знала?

– Ну, не лично меня, но она знала, что я сотрудник фирмы ее хозяина, описала, как я выгляжу. Думаю, что выяснить мое имя для этих людей не составило труда.

– Но к нам они пока что не приходили.

– Не приходили, верно. Но ведь и Яго тоже исчез.

– Думаешь, они приходили ночью, и это они его украли?

– Этим двоим по какой-то причине позарез был нужен наш попугай.

Что это были за люди и почему они интересовались судь-

бой Яго? Этого ни Сашенька, ни ее папа не понимали. Но зато они понимали, что Яго нужно разыскать как можно быстрее, пока он не влип в какую-нибудь историю.

— Значит, вернемся назад по времени. Кто там был у него в хозяевах до Акулины?

— Она приобрела Яго на рынке.

— Вот туда мы и направимся.

Так Сашенька с папой и оказались на Кондрашке.

На рынке было живописно. Красавцы петухи горланили тут изо всех своих петушиных сил, топорща алые гребни и размахивая мощными крыльями, поднимая ими ветер и гоня мелкий мусор вдоль рядов. Курочки романтично квохтали, воодушевленные и обнадеженные столь близким соседством этих роскошных кавалеров. Рядом с ними кролики деловито жевали сено, подергивая смешными носиками, с кажущимся безразличием ко всему, что происходило вокруг них.

Кроме животных и птиц тут продавали также насекомых, и вовсе не для пищи домашним питомцам, а в качестве самих питомцев. Огромные тараканы, цветные бабочки, крошечные палочники, которые застенчиво прятались среди веточек, надеясь, что их не заметят и оставят в покое. Уйти отсюда без домашнего питомца было просто невыносимо.

Вот только приобретая животное, следовало отдавать себе отчет, что вполне может случиться такое, что крепенький

котик уже завтра откинет свои крохотные хорошенькие лапки. А из очаровательного и крошечного щеночка шпица вырастет некое чудовище, в лучшем случае похожее на помесь дога с мастифом, а в худшем оказавшееся обычной дворнягой, каких пруд пруди в любом приюте.

Поэтому, как ни хотелось Сашеньке купить себе какую-нибудь зверушку, она мужественно прошла мимо рядов. И даже на рыбок не посмотрела! А крошечную обезьянку в красном пушистом свитерке разве что погладила по лысой макушке. И только.

Нужный им человек нашелся быстро. Акулина очень точно его описала. Да и он сам не стал отпираться, что знает нужного им попугая.

– Да, Пират жил у меня какое-то время.

Был продавец очень высоким и походил на Человека Рассеянного с улицы Бассейной. Его худое интеллигентное лицо украшала бородка клинышком. Сегодня он продавал огромного черного ворона по имени Агафон, который с важным видом сидел у него на плече, уже порядком испачканным птицами. Продавца звали Тихон Иванович. И внешность его соответствовала профессии. Тихон был профессором орнитологии, специалистом по диким птицам. Он давно уже мог быть на пенсии, но продолжал трудиться. А на рынок его вынуждала приходить тяга к своим любимым пернатым друзьям.

Увидев фотографию Яго, продавец чуть вздрогнул.

– И как давно живет у вас этот попугай?

– Он прожил у нас несколько месяцев.

Продавец поднес снимок поближе к глазам и внезапно прослезился.

– Что с вами? Вы плачете?

– Поверите ли, столько птиц прошло через мои руки, а этого негодника я помню и сегодня. Те дни, что он провел в моем доме, я буду вспоминать как самые наполненные событиями. Чего-чего, а скучать мне с ним не приходилось.

– Значит, попугай прожил у вас совсем недолго?

– Пару месяцев. Подкормил, изучил его нрав и понял, что, увы, нам с ним не по пути.

– Значит, вы взяли его к себе уже взрослой птицей?

– Конечно. Я всего лишь перекупщик. Покупаю птиц, обычно они бывают не в самом лучшем состоянии, я их лечу, привожу в порядок, а потом подыскиваю для них новый дом и нового хозяина. Если хотите, это мое хобби. Квартирка у меня крохотная, поэтому больше одной крупной птицы зараз я не могу себе позволить. Да это и плохо, когда птиц много, ведь птицы переносят инфекции и одна больная особь может заразить всех остальных. Поэтому сейчас у меня живет вот он.

И продавец указал на ворона, который в ответ щелкнул огромным острым клювом. Таким можно было пробить дыру даже в черепе взрослого человека. Но Тихон Иванович, казалось, совсем не боялся своего большого друга.

– А что вы хотели бы от меня? – спросил он.

– Мы хотим найти человека, у которого жил Яго раньше.

– Помочь вам найти его первого хозяина? – удивился продавец. – Вот уж не знаю, как тут и быть. Дело в том, что попугай этот никому конкретно не принадлежал. А жил он в помещении ресторана.

– Как?

– Прямо в обеденном зале стояла его клетка. Конечно, он ужасно там всем мешал своими криками, поэтому они и приняли решение избавиться от него. Никому конкретно, насколько я помню, попугай не принадлежал. Звонил мне один человек, общался по поводу птицы я с другим, деньги отдал третьему, помогал грузить попугая уже четвертый. Но в целом все прошло гладко. Я приехал в ресторан, убедился, что птица относительно здорова, и забрал его к себе.

– Он у вас хорошо себя вел?

– Какое там! Большого шkodника я не припомню. Но разве это так важно? Я честно предупредил женщину, которая его у меня приобрела, что характер у него не сахар. Она сказала, что ее это не пугает, она всякого навидалась. И я ей поверил.

– К сожалению, ее соседи не захотели мириться с новым питомцем.

– Очень жаль. Впрочем, я их понимаю. Мои соседи тоже потом неоднократно признавались мне, что вздохнули с облегчением, когда попугай покинул мой кров.

Папа кивнул, а потом спросил у продавца:

– Скажите, а мы первые, кто спрашивает у вас про этого попугая?

Тихон Иванович смутился.

– Что? – произнес он, отведя взгляд. – Кто должен был у меня спрашивать? О чем вы?

– Не знаю. Может быть, двое мужчин к вам обращались за информацией о нашем попугае? Или какие-то другие люди?

Продавец отвернулся и сделал вид, словно не понимает, о чем вообще идет речь. Поведение его выглядело довольно странно, но и сам типаж был незаурядный. Поэтому папа не стал настаивать на правдивости ответа. Списал поведение профессора на его годы и общую чудаковатость.

Сашенька все это время задумчиво наблюдала за вороном Агафоном. Его черное оперение, отливающее на солнце синим блеском, совершенно покорило ее.

– А где вы взяли этого красавца?

Сашенька протянула руку к птице, и тут же отдернула ее, потому что ворон щелкнул клювом в опасной близости от ее пальцев.

– Осторожней, – предупредил ее продавец, – не трогай его. Он сегодня с самого утра не в духе. Прекрасно понимает, зачем его сюда принесли, и это оскорбляет его гордость.

– Он такой красивый! – с восхищением произнесла Сашенька. – Где вы его взяли? Поймали в лесу?

– Что вы! Я никогда не стал бы насильственно извлекать птицу из привычной ей среды. Мое занятие заключается в

другом, я нахожу птиц, которым грозит увечье или даже смерть от неправильного ухода за ними. Агафона мне принесла одна женщина, которой его подарил сын. Привез откуда-то издалека, думал, что сделает женщине шикарный подарок. Как я понял, у нее был гадалый салон, для антуража ворон ей было просто необходимо. Вот только они оба не учли, что все врановые – это плотоядные птицы, и запах от их помета исходит... Как бы это помягче выразиться, очень специфический. Клиенты гадалки моментально начинали крутить носом и принюхиваться. Кроме того, держать ворона в клетке нельзя, ему требуется место для полета. Да и характер у них не слишком-то уживчивый. Вороны необычайно умны, но при этом еще и упрямы. Некоторых клиентов ворон сразу с порога начинал преследовать, пытаясь клюнуть побольней и чаще всего ему это удавалось.

– Как меня?

– Тебя он всего лишь предостерег, чтобы ты не распускала руки, Агафон этого не любит. Вообще, вороны многого не любят, куда проще назвать вещи, которые они одобряют. И можешь мне поверить, эти птицы умеют настоять на своем. Так что держать представителя этого семейства у себя в квартире, я бы не советовал. Птице нужен отдельный вольер, и лучше, если он будет находиться в отдельной комнате.

Нет, выделить отдельную комнату для ворона семья Сашеньки не могла себе позволить. Даже Яго вынужден был ютиться в прихожей, пусть и просторной, но всего лишь при-

хожей. Поселить там еще и ворона, папа категорически был не согласен. Пришлось Сашеньке расстаться с мечтой завести себе еще и ворона. А как жаль. Агафон произвел на нее неизгладимое впечатление.

Глава 3

Узнав от продавца название ресторана, отец с дочерью отправились туда. Ресторан назывался «Замок короля Артура». И его фасад выглядел словно средневековый замок. Вот только сделан он был то ли из пластика, то ли из раскрашенной фанеры, за которой скрывалось самое обычное помещение банкетного зала с лестницей, ведущей на второй этаж. Кроме фасада, ничего романтического в этом месте не было.

Наверху их встретил официант, который признал Яго по фотографии.

– Да, этот попугай жил у нас одно время. Наш директор за него кучу денег отвалил. Рассказывал, какая уникальная птица. И сначала, когда его только привезли, никаких хлопот с ним не было. У него в качестве приданого была собственная жилплощадь. Клетка была размером с комнату! Клянусь! У меня дома спальня и то меньше. А у нашего баловня судьбы домина была такая огромная, что ее даже невозможно было поднять в обеденный зал. Пришлось поставить ее внизу в холле. Прямо на пол поставили и то она еле-еле уместилась.

– Ничего себе, – поразились Саша с папой, которым уже довелось побывать на первом этаже, который был весьма и весьма просторным, как раз таким, чтобы принимать толпы гостей.

Официант продолжал:

– Первое время попугай прекрасно себя вел, был любезен и общителен со всеми. Но потом директор в недобрый час решил, что внизу попугая слишком мало видно, нужно поднять ценную птицу на второй этаж и поместить в обеденном зале, чтобы он тут развлекал посетителей своими остротами. В этих целях была куплена клетка меньших размеров. И вот, когда попугая перевели в новую клетку, в него словно злой дух вселился. Переезжать он отказывался наотрез. Вцеплялся в прутья своей клетки и лапами, и клювом. Когда его все-таки вытащили, так хлопал крыльями, что пух и перья во все стороны летели.

Но конечно, справиться с людьми бедному Яго было не под силу. И его переезд в меньшую по размеру клетку все равно состоялся.

– И вот тут началось! Всех входящих гостей он теперь приветствовал такими истошными воплями, что они пугались и пытались бежать от нас. Женщинам он кричал вслед похабные частушки. Честно-честно! Я таких пошлостей ни от кого прежде не слыхивал. Мужчинам он грозился судебными приставами, налоговой и прокурором, а если это не помогало, то обещал оторвать их мужские причиндалы, извините меня, мадемуазель, за такие подробности. Держать его стало совершенно невозможно, он отпугивал от нас всех посетителей. Потом началось и вовсе непотребное. По ночам эта птица каким-то образом выбиралась из клетки, съедала подчистую на кухне все деликатесы, а если настроение бы-

ло совсем плохое, то била посуду и портила интерьеры. А потом попугай и вовсе пошел вразнос и стал красть. Крал все подряд! Но в первую очередь деньги, выручку. Лично я попал под раздачу. Меня чуть по статье не уволили, думая, что это я украл деньги из кассы. Хорошо, что перо из хвоста попугая навело следствие на правильный путь. И продолжалось это не один день, но этот хитрый птиц прятал награбленное в своих тайниках и делал это так ловко, что мы так и не смогли понять, где находится награбленное. Приходилось расплачиваться с пострадавшими из своего кармана. В общем, жизнь он нам портил капитально. И несмотря на то что попугай этот изначально достался нашему директору от человека, которому он был многим обязан и которому директор поклялся, что будет заботиться о попугае, словно о родном сыне, он от него все равно избавился. Сказал, что с этой сделки он получил некоторую сумму денег и готов из этой суммы возместить частично тот ущерб, который попугай причинил людям.

Это сыщики уже знали. Директор пристроил Яго перекупщику на Птичьем рынке и даже получил за птицу какие-то деньги. Наверное, их должно было хватить на то, чтобы покрыть расходы, в которые ввел Яго здешнего директора. И вот что интересно, с каждым следующим покупателем цена на Яго неуклонно падала. Несмотря на то что он был редкой птицей, ценной и не известной никому породы, изначально он стоил дорого, но с каждой продажей его стоимость стано-

вилась все ниже и ниже, пока Яго не отдали семье Сашеньки и вовсе даром. И даже не отдали, а всучили вместе с Диней под видом собачьей игрушки.

И Сашенька с досадой на самих себя подумала, и почему только они не спросили о породе попугая у Тихона Ивановича. Он бы им наверняка все с толком разъяснил.

Но отец Саши думал о другом.

– Значит, ваш директор тоже не первый хозяин попугая? – спросил он у официанта.

– Не первый.

– А у кого же он приобрел птицу?

– Это вам так важно?

– Очень!

Но официант по какой-то причине не пожелал ответить прямо. Хотя явно должен был знать того человека, у которого директор приобрел чудо-попугая.

Однако вместо этого официант уклонился от ответа и сказал:

– Директор приедет где-то через полчаса-час. Не желаете ли пока что подкрепиться? Вот меню.

Меню в ресторане было самым обычным, но принесенное мясо в заказе оказалось сочным, а картофель обладал хрустящей зажаристой корочкой и был посыпан ароматным укропчиком. Поэтому время в ожидании прихода директора Сашенька с ее папой скрасили весьма приятно.

Директор оказался симпатичным пожилым толстячком, который сразу же предупредил, что никакой ответственности за поведение попугая он нести не желает.

– Если он у вас что-то украл или как-то иначе испортил вам жизнь, то я тут ни при чем. Сам пострадал от действий этого бандита. До сих пор на него в претензии! Представляете, этот охламон умудрился украсть серьгу с брильянтами из уха одной нашей гостьи. А это была не просто гостья, это была наша налоговая инспекторша, которая с тех пор нам буквально проходу не давала. Пришлось всем коллективом скидываться ей на новые серьги, ведь украденную у нее сережку нам так найти и не удалось. И ладно бы только это... Он много раз крал вещи и у других наших гостей.

– Расскажите, как Яго оказался у вас в ресторане?

– Яго? Вы его так зовете? Это имя ему подходит, хотя мы звали его Джоном Сильвером.

Джон Сильвер – старый пират на одной ноге из повести о спрятанных на острове сокровищах капитана Флинта. Вот и тут люди верно оценили хулиганскую сущность попугая и дали ему соответствующее прозвище.

– Скажите, а мы первые, кто обращается к вам с расспросами об этом попугае?

Директор удивился.

– Конечно, первые! – воскликнул он с улыбкой. – Если бы вы меня не спросили про Сильвера, то я бы о нем и не вспомнил. Уже почти три года прошло с тех пор, как он появился

у нас!

– И долго он у вас прожил?

– Около года. Знаете, когда птицу только принесли к нам в ресторан, то все мы были очарованы им. И вначале ничего не предвещало катастрофы. Он вел себя просто изумительно. Вежливо разговаривал, отвечивал дамам комплименты, остроумно и даже тонко шутил с мужчинами. Все, буквально все вокруг были очарованы этой птицей. С кухни ему несли вкусные кусочки. Бармен заваривал ему кофе со сливками. Уборщица, по собственному побуждению, протерла от пыли прутья на его клетке. И вдруг все изменилось. Попугай начал хамить нашим гостям, постоянно удирал из клетки, ругался ужасными словами. И самое главное, что он крал не только продукты из кухни, но и вещи наших посетителей. Вот что было самым большим злом!

– Нам сказали, что это началось после того, как вы перевели птицу с первого этажа, где он обитал в холле, в основной зал на второй этаж.

– Да, наверное, тогда это и случилось. Надо же, а я как-то раньше не увязывал эти два факта между собой. Считаете, что на втором этаже ему не понравилось?

– Думаю, что он обиделся, что вы отняли у него шикарную клетку и поместили его в домик поменьше.

– Да, такое вполне могло быть. Я только сейчас это смекнул. Ну, подумать только! Казалось бы, глупая птица, мозг размером с ноготь, а все соображает!

– Вы можете рассказать нам про первого владельца Яго?

Ни Сашенька, ни ее отец не думали, что этот вопрос вызовет неприятные эмоции. Но директор внезапно напрягся.

– Зачем это вам?

– Хотим понять, что это был за человек. Наверняка это он научил птицу всем этим гадким трюкам.

– Что вы! – покачал головой директор. – Он не мог!

– Значит, вы его хорошо знаете! – хором закричали Саша с папой. – Расскажите нам о нем!

– Вовсе нет! Вовсе я его и не знаю! – отбивался от них директор. – Просто предположил, что это был хороший человек, раз сделал нашему ресторану такой шикарный подарок!

– То есть попугай с огромной клеткой достался вам даром?

– Это был подарок. Широкий жест прекрасного, я уверен, человека!

– А как его имя?

– Я не знаю.

– А где он жил?

– Неизвестно.

– Чем занимался?

– Понятия не имею! Это был тайный благотворитель. А сейчас, извините, у меня есть другие дела. Я должен спешить!

И убежал, словно за ним гнался кто.

Несмотря на то что директор давал ответы на все возника-

ющие к нему вопросы быстро и четко, у Саши и ее папы сложилось ощущение, что директор не говорит им всей правды.

– Мне кажется, что он врет.

– Мне тоже.

– И он прекрасно знает первого владельца нашего Яго. По крайней мере, предыдущего.

– И мне кажется, что тот вовсе не такой уж прекрасный человек, как директор пытается его выставить.

– Как бы нам узнать, откуда прибыл Яго в этот ресторан? Кто был тот таинственный доброжелатель, который подкинул директору такую свинью?

– У меня есть одна идея.

– Какая?

– Сейчас объясню.

Сашенька была совсем не против помочь папе и установить истину. Все равно занятия в школе для нее уже закончились, все экзамены были благополучно сданы, и Сашенька могла позволить себе немножко расслабиться и заняться своим любимым делом – расследовать разные интересные истории. Если это ее расследование поможет приструнить Яго, то тем больше ей будет почет и слава.

– Директор явно врет, что не знает прежнего хозяина нашего Яго. Но по какой-то причине не хочет называть нам его имя. В этом есть какая-то тайна.

– И что же делать?

– В ресторане есть и другие люди, кто помнит появление

попугая в их ресторане.

– Официант?

– Он тоже не захочет говорить правду о первом владельце попугая. Ты же у него уже спрашивал. Помнишь? И он предложил нам дождаться директора.

А тот был достаточно словоохотлив, но ровно до того момента, когда пришла пора говорить о первом хозяине Яго. И тут все, разговор заканчивался. Никто не хотел произносить вслух имя человека, который воспитал из птенца попугая настоящего разбойника и бандита.

– Что же нам делать? Ты что-то придумала?

– Есть в этом ресторане один человек, который не побоялся пойти против всех остальных.

– И кто же это?

– Помнишь, официант невзначай упомянул про старушку-уборщицу, которая по собственному желанию протирала прутья на клетке попугая. Наверное, она это делала, потому что полюбила птицу.

– Ну, допустим, вначале попугая многие любили. Потом-то он умудрился всем напакостить, и мнение о нем у людей поменялось.

– Но эта старушка просто уборщица, терять ей все равно нечего, бояться она тоже никого не станет. Старушки они такие, жизнь прожили, бояться кого-либо устали. И если директор и официант дрожат за свои шкуры и боятся нам говорить про хозяина Яго, опасаясь, что им достанется за их

длинный язык, то старушка-уборщица точно не побоится.

Вот только им не повезло, уборщицей в ресторане сейчас работала молодая темноглазая девушка, очень старательная и аккуратная, при этом тихая и незаметная, но, увы, работала она тут меньше месяца и знать не знала ничего ни о каких попутях.

– Раньше тут бабушка до меня работала, – стараясь правильно выговаривать русские слова, объясняла девушка. – Совсем старенькая уже. Баба Нина. Трудно ей было. Директор ее уволил, меня взял.

– Нам обязательно надо ее найти. Где она живет?

– Не знаю. Но я видела, что она в соседнем магазине устроилась работать. Поищите ее там.

Приветливая девушка объяснила, как найти этот магазин, и убежала по своим делам. А Сашенька с папой отправились на поиски очередной свидетельницы, которая должна была привести их к конечной цели их расследования. Если бы они знали, как далеко заведет их это расследование, то двадцать раз бы еще подумали, прежде чем идти знакомиться со старушкой-уборщицей. Но они ничего этого не знали, а потому весело и дружно шагали в ногу в указанном им направлении.

И совсем скоро оказались на пороге небольшого частного магазинчика, которые теперь после повсеместного засилья супермаркетов встречаются на районах все реже и реже. Но этот еще каким-то образом уцелел. Крохотный торговый зал обслуживался одной-единственной продавщицей, она же

выполняла роль заведующей складом, бухгалтера и по совместительству являлась хозяйкой лавочки. Все это женщина объяснила им, когда они купили у нее молоко и хлеб. Молоко было фермерским, а хлеб еще теплым. Понятно, что цена на продукты была несколько выше, чем у конкурентов, но за качество не жалко и переплатить.

– Нам бы бабу Нину повидать. Она у вас убирается.

– Мне бы ее саму видеть хотелось, – вздохнула в ответ хозяйка. – Вот только, где наша дражайшая Нина Ивановна гуляет, я нынче никакого понятия не имею. Уж и звонила, и писала ей, а толку ноль.

– Куда же она подевалась?

– Сегодня ее еще не было. И вчера она раньше времени ушла. Ничего толком не прибрала, собралась и убежала.

– Так уж и убежала?

– Унеслась, словно на хвост ей перца насыпали.

– Пожилая ведь женщина.

– Я и сама удивилась. Спрашиваю, Нина Ванна, что случилось-то? А она руками на меня замахала, потом, Маргошенька, потом все тебе объясню. И убежала.

– И пропала?

– Получается, что так. А вам она зачем?

– Поговорить с ней хотели.

– Догадываюсь. Наверное, Василий чего-нибудь снова на-чудил. Что на сей раз? Кошелек у вас стянул или с машины зеркала снял?

– Нет, ни то, ни другое.

– Странно. А я уж подумала, что Василий снова в историю влип, поэтому Нина Ванна так и умчалась, словно на помеле. Сыночка своего полетела спасать.

– Василий – это сын Нины Ивановны?

– Непутевое отродье! – в сердцах высказалась женщина. – Пальцы гнет так, что не разогнешь. По мне, так лучше вовсе без детей век куковать, чем с таким сыном. Но Нину Ванну спросишь, так, по ее словам, лучше ее Васятки никого в целом мире и нет. Ну, да это их дело, как хотят, пусть живут. Мне лишь бы узнать, что со старухой все в порядке. А то душа не на месте. Уж не прирезал ли этот выродок свою мать-старушку.

– А что? Может?

– Такой дурак все может! Уже не один раз в тюрьме сидел. Нину Ванну спросишь, за что, так по ее словам, все вокруг Васеньку ее подставить хотят. Все вокруг плохие, он один хороший, бедненький. Но я в такие сказки не верю. Мерзавец ее Василий, вот и весь мой сказ. Только выделяться умеет! Если он мать обидел, гореть ему в аду. Впрочем, ему и так там самое место!

Выяснить домашний адрес Нины Ванны оказалось делом простейшим. Хозяйка магазинчика и сама была рада всучить его Саше с ее папой.

– Сходите, посмотрите, жива ли она вообще, а потом приходите и мне скажите. Если он ей что-то сделал, то я его са-

ма, не дожидаясь полиции, почиаю. Гад такой! Ни гроша за душой, ботинки дырявые, а туда же, все крутого из себя строит.

Снабженные таким напутствием они ожидали увидеть перед собой кровожадного монстра, громилу ростом под два метра, с налитыми кровью глазами и многодневной щетиной. Но дверь им открыл худой и бледный юноша, который на вопрос о Нине Ванне тут же залился горячими слезами. Он так плакал, что даже кудри на его затылке тряслись.

– Пропала моя мамочка! Всю ночь ее дома не было, и сейчас нет!

– Так вы ее сын? А нам сказали...

– Что?

– Нам сказали, что вы гораздо старше.

Но в это время худенький юноша вышел на свет и стали видны многочисленные морщины, испещрившие его кукольное личико. Этому херувиму было хорошо под пятьдесят. И вставшие дыбом кудряшки на его головенке представляли собой жалкие остатки прежней роскоши.

– Все морги, все больницы обзвонил, нет ее нигде! Представляете мое состояние?! Я возвращаюсь, а мамы нет! И нет, и нет, и до сих пор нет!

– Когда это случилось?

– Вчера. В одиннадцать часов вечера я был уже дома, а мама нет.

А из магазина Нина Ванна ушла, вернее, убежала в начале

восьмого.

– Я очень боюсь, что это ее исчезновение может быть связано с тем, что со мной случилось.

– А что случилось?

Быстрые цепкие глазки ощупали гостей с ног и до головы. Решив, что тут найдется чем ему поживиться, Васятка решил пойти на некоторую откровенность:

– Всю жизнь меня преследуют беды и несчастья, – произнес он, и в его блекло-голубых, словно бы полинявших от времени глазах снова навернулась слеза. – Всегда мне приходится страдать за других. Такая уж моя доля, ничего тут не поделаешь.

Василий явно относился к той породе людей, которые любят, чтобы их жалели. А если нет никого, кто бы это сделал за них, готовы пожалеть себя сами.

– Вам нужна моя мама? Мне тоже она нужна. А еще мне очень нужны деньги. И вчера они тоже были мне нужны. Позарез!

– Так что вчера с вами случилось?

– Я звонил матери. Использовал один-единственный звонок, который мне разрешили сделать, чтобы переговорить с дорогой моей родительницей. Объяснил, чем мне все это грозит, если она не раздобудет для моего выкупа денег, она обещала все сделать, и исчезла!

– Убежала? – предположил папа.

– Скрылась? – добавила Сашенька.

Васятка переводил недоумевающий взгляд с одного своего гостя на другого и потом обратно.

– Кто убежала? От кого скрылась?

– Ваша мама убежала от вас. Скрылась от проблем, которые с вами связаны.

Васятка очень оскорбился.

– Моя мама только счастлива бывает, когда ей приходится мне помогать.

Убежденность, звучавшая в голосе Василия, была так велика, что ничего другого не оставалось, как поверить ему. Если уж сам Василий так верит, что является светом в окошке для своей мамочки, то и другим нечего в этом сомневаться.

Суть дела заключалась в том, что вчера во второй половине дня Василий попался на краже. И все бы ничего, кража была мелкая, можно было бы отделаться условным сроком или даже просто штрафом или исправительными работами, но, увы. Такой условный срок у Васи уже имелся, а потому предстояло поехать ему далеко и надолго.

– Да еще, говорят, теперь вместо колонии придумали какие-то рабочие поселения. По сути та же колония, только там еще работать надо. Работаешь, а денежки твои кровные государство себе прикарманивает!

– Неужели?

– Да! Говорят, что с этих доходов будут выплачиваться возмещение убытков или алименты, кто их платит. Напри-

мер, у меня мама пенсионерка, так я ее, по мнению государства, должен содержать!

Такая несправедливость сильно огорчала Василия, который в своей жизни не привык заботиться о ком-нибудь другом, кроме самого себя. Поэтому он решил, чем ему выплачивать из тюрьмы маме содержание, пусть лучше она подсуется и раздобудет денежек, чтобы выкупить дорогого сына из беды.

– Там с потерпевшим можно было договориться. Нормальный мужик. Сказал, чтобы я ему сверху еще столько же накинул, сколько я у него с карты снял, и мы в расчете. Он забирает заявление и никаких претензий ко мне в дальнейшем не имеет. И нужно-то всего было около двадцати тысяч. Я мать с деньгами целый час ждал. Пока ждал, мужик этот передумал, еще десятку за ожидание сверху накинул. Мне Ритку уже тридцатку пришлось просить привести. Наобещал ей за эту тридцатку с три короба, теперь не знаю, как выкручиваться. Да еще мамаша пропала. Так бы она за меня заплатила, а теперь что мне делать? Если мама не вернется, чем я с Риткой расплачусь? Придется мне с ней переспать. Она и так уже все время на то намекает. Бедный я бедный, и почему все беды на мою голову?!

– А у вашей мамы деньги при себе были?

– В том-то и дело, что нет. Только накануне она мне последнюю пятерку отдала, еще объясняла, что пенсия у нее только через неделю, что на эти пять тысяч мы с ней долж-

ны были неделю жить. Но ничего, отдала, очень уж она меня любит, мамочка моя. Кто еще кроме нее так меня любить будет? Ритка? Так ей только от меня деньги нужны. Всем бабам от меня только деньги и нужны.

– Значит, двадцати тысяч у вашей мамы при себе не было. И где же она должна была их раздобыть? Разве что у ваших соседей занять?

– Соседи не вариант, – замотал головой Вася. – Соседи ей бы ничего не дали. Они все против меня настроены. Сволочи! Только и мечтают, чтобы меня снова забрали, чтобы я перед их сытыми рожам бы не мелькал и своей несчастной фигурой их покой и счастье бы не смущал.

– Знакомые? Друзья?

– О чем вы говорите?! – горестно воскликнул этот тип. – Какие друзья? У нищих друзей нет! Были бы мы с матерью богаты, всяк бы захотел с нами дружить. А коль нет у нас ни шиша, так и друзья разбежались. Бедные мы с ней бедные, никому в целом свете ненужные!

Определенно у Василия был своеобразный талант. Он умудрялся вызывать жалость к себе даже у тех людей, кто жалеть его вроде бы совсем не был должен. Вот и Саша с ее папой почувствовали, как начинает пощипывать у них в глазах от нежданно подступающих слез.

– Бедная моя мамочка, даже не представляю, к кому она могла обратиться, к кому могла пойти.

Василий выглядел таким безутешным, что приходилось

поверить ему на слово. Он и впрямь не знал, куда могла исчезнуть Нина Ванна, уволенная уборщица из «Замка короля Артура». Нет, Василий не притворялся. Он и впрямь горевал. Кроме мамочки, никому не было дела до этого непутевого мужика. Нина Ванна исчезла, а ее великовозрастное дитя осталось без мамки и теперь горько плакало.

Впрочем, Вася не до конца растерялся и со своих гостей постарался стрясти немножко денег, но они хоть и чувствовали жалость к этому типу, поощрять подобный иждивенческий образ жизни не захотели.

– Нет у нас для тебя денег. Иди и работай.

– Работай... – скривился Василий. – Если бы я мог работать. Да, я хочу работать. Дайте мне работу!

– И что же ты умеешь делать?

– Все!

– То есть ничего?

– Я больной человек, – заскулил Василий. – У меня сердце болит. Давление подскакивает. Ноги-руки на погоду ломит. На позвоночнике грыжи на каждом позвонке. Мне по совокупности моих болячек уже лет десять как инвалидность полагается, но только разве в этой стране кого-нибудь это волнует? Тут же всем наплевать, что живой человек погибается от непомерной ноши, которую на него взвалили! К врачам пойдешь, они тебе только одно и твердят, здоров. А где здоров, если у меня все болит?

– Зато у твоей матери, как я посмотрю, ничего в ее годы не

болит. Она уже пенсионерка, а для тебя недоумка старается. Полы в магазине моет.

– И чего? Ей это нетрудно совсем. Не на двух работах, как раньше, на одной всего. Маме это прямо курорт. Она вечером прибежит, тряпкой махнет, и назад. Ритка добрая, она маме деньги исправно платит. Только ко мне злая, хочет, чтобы я эти деньги у нее в магазине грузчиком бы отработал.

– То есть деньги за тебя вчера в полиции заплатила хозяйка магазина, в котором убирает твоя мать?

– Ну да. Маргарита. Мне делать нечего было, я мать с деньгами не дождался, вот я Ритке и позвонил. Она сказала, что ради Нины Ванны заплатит за меня, только мне эти деньги отработать придется.

– Так иди! Отрабатывай! Чего ты ждешь-то?

– Погодите, куда спешить? Пойду. Оклемаюсь чуток и пойду. Мне в полиции все почки отбили. И по печени били. И ребра помяли. Мне до сих пор дышать трудно. Может, они мне легкое проткнули. Я на рентген в поликлинику должен сходить, потом уж на работу пойду.

С Василием все было ясно. Большого бездельника и вруна трудно было сыскать. И долго сердобольной Рите придется ждать от него тех денег, которые она заплатила в полиции. Разве что вернется Нина Ванна и отработает этот долг. Потому что на самого Василия в этом плане, да и в любом другом, надежда была плоха.

Глава 4

Дома Василий оставаться не пожелал. Идея взять больничный показалась ему такой замечательной, что он не стал откладывать дело надолго и вышел вместе с Сашей и ее папой. Потом он поскакал по лестнице вниз резво, словно молодой конь. Василий успел узнать по справочному в поликлинике, что прием его врача заканчивается через двадцать минут, и теперь боялся опоздать.

– Если больняк не возьму, Ритка за меня прямо сегодня возьмется. Начнет требовать, чтобы я долг отрабатывал. А с больняком ей мне и сказать будет нечего. Не сможет же она с больного человека работу требовать!

Стоило Василию скрыться с глаз, как открылась дверь квартиры напротив. Из нее выглянула пожилая женщина. Голова у нее была покрыта мелкими завитушками, видимо, недавно вернулась из парикмахерской, где наводила красоту.

– Ушел? – опасливо поинтересовалась она, глядя вслед Василию. – Ох, и не повезло же Нинке с мальчишкой! То ли дело мои орлы! И мать обихаживают, и на работе успевают, и семейные оба. Внуками меня одарили оба. А у Нинки только и радость, что Васька до сих пор с ней живет. Да и то радость сомнительная. Сами посудите, много ли радости старухе в однокомнатной квартирке с сыном жить? Он взрослый человек, она тоже, у каждого из них свои интересы. А

они вынуждены на одном пяточке ютиться. То ли дело мои красавцы! Как вылетели в восемнадцать лет из родного гнезда, так и живут своими семьями. Мать своим присутствием не напрягают. Раз в год приедут погостить, и то дело. Да не с пустыми руками приезжают, всегда с подарками.

– У вас тоже однокомнатная квартира?

– Вот еще скажете! Я не такая нищесборка, как Нинка, которая невеста от кого своего Ваську прижила. У меня-то, в отличие от нее, муж имелся. Отличный специалист был мой Григорий Михайлович. Его на производстве всегда ценили. И нам с ним от завода эту квартиру дали. Трехкомнатную! Это Нинка всю жизнь тряпкой елозила, ей и однушки за глаза хватит! Правильно тогда правление решило, однушку дать и будет с нее. Соседке еще повезло, что на саму Нинку квартира записана всегда была. А иначе Васька давно бы ее уже продал, деньги пропил, а потом с матерью под мостом бы оказался или у мусорных бачков, где ему самое и место.

– Мы поняли, что мать до сих пор опекает своего сына?

– Избаловала Нинка своего мальчишку, с детства неправильно себя с ним вела. Я ей всегда говорила, возьми, Нина, ремень в руки и поработай им как следует, покуда еще не совсем поздно. Но где там! Как какого-то принца своего Ваську растила. Все ему самое лучшее в клювике несла. Наши с мужем пацаны сами себе на джинсы заработали, на стройке летом пахали и заработали. Мы с мужем им по пять пар штанов могли купить, наши с ним заработки позволяли

это сделать, но специально не стали этого делать. Ни к чему детей баловать, нужно их к труду с самого раннего детства приучать. А Нинка, хоть и зарабатывала гроши и куда беднее нашего жила, своему Васятке брючки вожделенные на тарелочке преподнесла. Знаете, сколько они тогда стоили? Как вся ее зарплата! И что вы думаете? Оценило это дерьмо эту материнскую заботу? Нет, в первый же вечер у костра штаны прожег. Распсиховался и выбросил. Во всяком случае, так он матери рассказывал. А мне другое сказывали, что проиграл Василий эти джинсы в двадцать одно. А наши мальчишки свои джинсы еще года три таскали, потому что помнили, каким трудом им эти вещи достались, и ни проигрывать, ни портить нарочно их не собирались.

Все оно было так, и все правильно, вот только что-то не видно было в большой трехкомнатной квартире ни сыновей, ни внуков. Одна жила соседка, никто из родных не спешил к ней в гости. А вот непутевый Васятка не оставлял свою маму, жил с ней бок о бок, радуя ту своим каждодневным присутствием. Так что еще большой вопрос, кто из этих двух женщин был счастливей. Каждая жила той жизнью, которую сама для себя выбрала. Одна вырастила и выпустила в мир двух новых и полезных членов общества. А другая вырастила утеху своих дней, недотепу, о котором нужно постоянно заботиться. Была ли Нина этим счастлива? Видимо, да. Иначе женщина нашла бы способ, чтобы сбросить с себя это ярмо и каким-то образом давно изменила бы свою жизнь.

– А вы чего приходили-то к Василию?

– Нину ищут на ее работе. Послали нас узнать, все ли у нее в порядке.

– Это кто же вас послал? Ритка, что ли? Хорошая она баба, только дура, они с Нинкой два сапога пара. Обе жалостливые. И добро бы на кого-нибудь дельного жалость тратили. А так... Тьфу! На Ваську проходимца!

– Вы не знаете, куда делась ваша соседка?

– Ума не приложу! Сама тревожусь! Вчера Нинка ко мне прибежала, лица на ней не было. Начала какую-то дичь нести, что ее сыночка в полиции избивают, уже все внутренние органы ему отбили, если она им срочно двадцать тысяч не принесет, то они совсем его убьют. Или в тюрьму посадят, что для Васятки равносильно смерти, потому что он весь насквозь больной, а в тюрьме ухода за ним никакого не будет, там он точно пропадет.

– И что же вы ей ответили?

– Велела ей дурью не страдать. Если ее неугомонного Ваську в тюрьму посадят, так Нинка от его выкрутасов хоть несколько лет отдохнет. А если помрет в тюрьме сыночек, так туда ему и дорога. Троглодит и нахлебник он!

– Что? Прямо так и сказали?

– Прямо так и сказала.

– А Нина? Наверное, поблагодарила вас за разумный совет?

– Ага! Счас! Дождешься от этой идиотки благодарности!

Обозвала меня разными дурными словами и убежала.

– А куда? Куда побежала-то?

– Так за деньгами. Ей же деньги были нужны, чтобы этого дурака в очередной раз от неприятностей отмазать.

– А разве был человек, который был готов Нину субсидировать?

– Вот, и я тем же вопросом задалась. Только Нинка мне напоследок крикнула, что есть человек, у которого должок к ней имеется. И самое время этот должок с него спросить.

– Что же это за человек?

– Вот уж чего не знаю, того не знаю. Но только это вряд ли кто-то из близких Нинке людей. В том смысле, что с кем она каждый день общается, тем она сама всем должна. Василий не в первый и, наверное, не в последний раз в истории влипает. И всякий раз за помощью к своей мамочке бежит. А Нинка, как ненормальная клуша, тут же кидается его спасать. Нет, я понимаю, материнский инстинкт и тому подобное, но всему же должен быть предел.

– А что за человек-то? Могла Нина у него ночевать остаться?

– Говорю же, что не знаю. Но вообще... появился у Нинки в последнее время какой-то мужчина.

– Ухажер?

– Скажете тоже! Кому она нужна, кошелка старая. Да еще с таким сынулей.

– И тем не менее мужчина был?

– Был, – вынужденно призналась соседка.

По ее описанию, это был высокий и очень худой человек лет шестидесяти с небольшой бородкой.

– И вот что странно, мужчина выглядит интеллигентным, очки, бородка, а вот одет очень неопрятно. Одежда вся в каких-то подтеках, словно он ремонтом занимается, и на него сверху все время жидкая замазка течет.

– Замазка?

– Ну, мел, побелка, краска. Хотя не знаю, на простого рабочего он тоже вроде как не похож. Скорей, на ученого. Но с головой у него вряд ли в порядке, если он за Нинкой решил приударить. Хотя чокнутых много, может, и на Нинкиной улице счастье пройдет.

– Возможно, ваша подруга за деньгами для своего сына к этому мужчине побежала?

– Вот-вот! Он рядом с Нинкой только месяц всего, как появился, прежде я его никогда тут не видела. Если не успел еще за это время прочухать, что за фрукт ее Васятка, то мог повестись на слезные просьбы Нинки и одолжить ей денег. При условии, конечно, что они у него есть. Так-то он на богатенького не больно-то тянул.

На этом их разговор и закончился. Соседка вспомнила, что ей пора принимать лекарство, и Сашенька с папой поняли, что больше они тут ничего не узнают.

– Если честно, то мне уже все равно, кто был первым хозяином нашего Яго. Теперь совершенно ясно, что жизнь у

попугая была бурной, ему вдоволь пришлось нахлебаться в этой жизни, так что нет ничего удивительного, что бедная птица борется за выживание как только может.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.